

ПРОБЛЕМА СЛОВА, СМЫСЛА, ИМЕНОВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Статья освещает вопросы исследования феномена слова (смысла, имен, значения языковых выражений) в отечественной и зарубежной философии языка.

Ключевые слова: феномен слова, философия имени, философия языка.

Проблематика смысла лежит в области исследовательских интересов таких наук, как логика, лингвистика, психология, социология. Однако, несмотря на всю актуальность и многоаспектность данной проблематики, можно констатировать отсутствие в философии и науке некоего обобщающего и интегрирующего общетеоретического подхода, способного соединить отдельные науки, различные исследовательские направления и методологические подходы, имеющие отношение к проблеме смысла, механизмам и процессам смыслообразования. Единственной попыткой такого можно считать феноменологию Э. Гуссерля, в которой ученый стремился осуществить философско-теоретическую проработку этих проблем, следствием чего явилось проникновение феноменологического метода в такие области, как логика, лингвистика, социология, психология [6, с. 73–78].

Решение проблемы слова, смысла, именованья было напрямую связано в логико-философской мысли на рубеже XIX–XX вв. с решением проблемы обоснования логики, которое представало в одном из двух взаимоисключающих вариантов: психологизме и антипсихологизме. Именно антипсихологизм проводит четкое различие между субъективным процессом познания и его объективным содержанием. Последнее, в виде научных истин, определяется антипсихологистами в качестве объективно-идеальных образований. Этим задается определенный онтологический статус научных истин [4]. Такие учёные, как Б. Больцано, Г. Фреге, ранний Э. Гуссерль находили решение указанной проблемы в разъяснении роли субъекта познания. Ответ был для них очевиден: субъект не создает никакого знания. Он обнаруживает научные истины как автономно существующие и таким образом лишь актуализирует их для человеческого познания. Указанные авторы считали, что такая позиция может служить обоснованием провозглашаемой ими природы логики как научного знания. Однако при этом без ответа остаются следующие вопросы: каков механизм обнаружения этих истин и как они остаются “незатронутыми” субъективным процессом познания? Вопросы же эти порождаются особой ролью языка в процессе мышления и остаются актуальными и сегодня для выяснения сущности категории значения языковых единиц в отечественной и зарубежной философии языка.

Цель статьи – изложить некоторые положения освещения проблемы слова, смысла, именованья в философии языка на рубеже XIX–XX вв.

Важным для нашего исследования является прогнозируемый факт: только в виде языкового выражения интуитивно постигнутое может пред-

ставлять интерес для науки, поскольку только так положение вещей, зафиксированное в индивидуальном сознании, может стать объективным общедоступным знанием. Таким образом, как средство фиксации, хранения и передачи знания язык оказывается необходимым и незаменимым. "...Применив какое-либо слово в адекватном приспособлении его к интуитивно постигнутой сущности, – отмечает Э. Гуссерль, – мы еще не достигли всего, хотя со стороны самого интуитивного постижения все необходимое совершено" [6].

Выражение (или экспрессивный знак) Э. Гуссерль отличает от знака-метки, знака-признака (индикативного знака), который лишь указывает на что-то и выполняет функцию оповещения, но не обозначает это что-то, не выражает его смысл. Такими индикативными знаками являются, например, выражения лица, жесты и др. "Каждый знак есть знак чего-либо, однако не каждый имеет некоторое "значение", некоторый "смысл", который "выражен" посредством знака" [6]. Обозначение в смысле "придания значения" характерно как раз для знака как выражения, а не для знака-метки. Сначала Э. Гуссерль использует понятия "значение", "значить" только в сфере выражения, связываемой с речью. "Выражение – чисто лингвистический знак, и это именно то, что, на первый взгляд, отличает его от указания" [5, с. 30]. При этом речь, чтобы быть таковой, не обязательно должна быть направлена с целью коммуникации к другой личности. Она может быть обращена и к самому себе. Главное, что отличает речь, например, от жестов и мимики, которые Э. Гуссерль не называет речью, это наличие интенции, которая позволяет сформировать какую-либо мысль. Ученый начинает рассмотрение выражения в его коммуникативной функции. На первый план выходит то, что принципиально важно для выражения, а именно: обозначение как придание значения. Каким же образом осуществляется это придание значения, делающее выражение таковым, и что оно собой представляет?

Выражения, прежде всего в коммуникативной функции, становятся собственно выражениями, то есть осмысленной речью, а не просто комплексом звуков, вследствие того, отмечает Э. Гуссерль, что говорящий придает этому звуковому комплексу некоторый смысл, который он хочет сообщить слушающему. При этом не менее важным является способность слушающего понимать интенцию говорящего. В данном случае выражения функционируют и как признаки, то есть выполняют оповещающую функцию, так как они служат слушающему знаками "мыслей" говорящего. Однако выражения не перестают быть таковыми и вне коммуникативной функции; даже, как говорит Э. Гуссерль, "в одиночестве душевной жизни" (*im einsamen Seelenleben* [6]) выражениям присущи их значения, те же самые, что и в общении. Слово выражает то же самое, независимо от того, адресовано ли оно кому-нибудь или нет.

Выражение, таким образом, для Э. Гуссерля не является лишь внешним, озвучивающим моментом, скажем, внутренней речи. Выражение останется выражением, то есть знаком, обладающим значением, и без

оглашения. Для выражения, которое возможно только благодаря акту интенции значения, важно то, что оно заявляет о себе непосредственно, тогда как, скажем, мимика и жесты сообщают не о себе, но отсылают к чему-то другому. Само мышление осуществляется посредством знаков как выражений; выражение характеризует именно мышление, а не коммуникацию. “Знак как выражение есть не что иное, как непосредственное выражение мышления. Это не внешнее, коммуникативное слово, “повторенное внутренне”, это выражение “внутреннего мышления”... Знак как выражение – это знак значения, коммуникативный знак – это знак вещи” [5]. Разница в том, что выражение, обнаруживаемое “в одиночестве душевной жизни”, не требует интерпретации (поскольку заявляет непосредственно о себе), тогда как коммуникативные знаки обязательно предполагают интерпретацию.

Итак, чтобы определенный звуковой комплекс (или письменно зафиксированное слово) превратился из простого набора звуков (из просто наглядного представления, данного нам посредством внешнего восприятия) в осмысленное выражение, должен быть акт придания значения, или интенции значения, который осуществляет говорящий, или даже только мыслящий, субъект. Без этого акта интенции значения набор звуков так и остался бы пустым, ничего не выражающим, ничего не значащим набором звуков.

Л. Витгенштейн, австро-английский философ, один из основателей аналитической философии, отмечает, что задача теории познания – отыскать и высвободить в словах и символах понимание их конструкции, там, где обычный язык скрывает логическую структуру, там, где он позволяет сформировать псевдопредложения, в которых слова обесмыслены, там, где он использует неоднозначное слово в бесконечности его значений, мы должны заменить его на символизм, который бы четко являл логическую структуру, исключал бы псевдопредложения, а слова использовались бы однозначно [4].

Учёный считает, что философия не теория, а деятельность. Философская работа состоит по существу из разъяснений. Результат философии – не некоторое количество “философских предложений”, но прояснение предложений. Философия должна прояснять и строго разграничивать мысли, которые без этого являются как бы темными и расплывчатыми [4].

Наука возможна лишь тогда, когда результаты мысли могут сохраняться в форме знания, когда эти результаты приняли форму системы высказываний и их можно применять для дальнейшего мышления, когда высказывания отчетливы по своему логическому смыслу, однако могут пониматься или же актуализироваться по мере суждения уже без ясности самих лежащих в основе представлений, то есть без ясного усмотрения этих основ.

Л. Витгенштейн отмечает, что слова языка именуют предметы, предложения, суть, связь таких наименований. В этой картине языка мы усматриваем корни такого представления: каждое слово имеет какое-то значение. Это значение соотнесено с данным словом. Оно – соответствующий

данному слову объект [4]. Однако, как верно замечает Л. Витгенштейн, в отношении далеко не каждого языкового выражения это можно осуществить. Мы, например, не можем остенсивно определить значения таких выражений, как “один”, “число”, “не” и др. Таким образом, заявляет Л. Витгенштейн, нельзя для каждого языкового выражения выделить определенный объект (реальный или идеальный), который был бы значением этого выражения. Вообще слово “значение” употребляется в противоречии с нормами языка, если им обозначают вещь, “соответствующую” данному слову. То есть значение имени смешивают с носителем имени. Когда умирает господин N, то говорят, что умирает носитель данного имени, но не его значение. Ведь говорить так было бы бессмысленно, ибо, утратить имя свое значение, не имело бы смысла говорить “господин N умер” [4].

Ключевым понятием в философии позднего Л. Витгенштейна является понятие “языковой игры”, тщательному исследованию и разработке которого посвящен главный труд второго периода – “Философские исследования”. Уже в лекциях 1933–1935 гг. ученый говорит об игровом подходе к языку, где под языковой игрой им понимается единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен [4]. Это значит, что значения слов, употребляемых в том или ином виде деятельности, определяются именно этой деятельностью, проясняются в ходе ее осуществления, а не являются раз и навсегда фиксированными “объектами”. Отсюда вытекает характерное для позднего Л. Витгенштейна понимание значения как употребления.

Отличительной чертой языковой игры является именно неразрывное единство употребления языка и конкретной деятельности. Язык сам есть частью определенной деятельности; вместе они задают ту основу, которая определяет значения слов. Слово (высказывание, предложение) получает свое значение только в определенном деятельностном контексте, в той или иной языковой игре, которая есть неразрывным единством деятельности и языка. “Мы соблазняемся думать, что деятельность языка состоит из двух частей: неорганической части, оперирования со знаками, и органической части, которую можно назвать пониманием этих знаков, приданием им значения, интерпретацией, мышлением. Кажется, что эти активности происходят в необычном медиуме – духе” [4, с. 54–55]. На самом же деле, говорит Л. Витгенштейн, только употребление, использование знаков может их “оживить”. Значение неразрывно связано со знаком, употребленным в определенном контексте, оно не существует само по себе.

Л. Витгенштейн анализирует возможные речевые практики, выявляя в них различные аспекты, компоненты и уровни. Выделяются элементарные функции языка. При этом предполагается, что исходные речевые модели абстрагируются из естественного языка, который при этом упрощается. Слова и фразы возвращаются к реальной жизненной основе, где они приобрели свои изначальные значения.

В философии Л. Витгенштейна языковые игры представляют собой своеобразный аналитический метод, направленный на прояснение языка, обнаружение его функций с целью выхода из многообразных концепту-

альных путаниц, существующих, прежде всего, в философии. Знаки языка обретают жизнь (получают свое значение) посредством применения, то есть лишь в употреблении, что предполагает реальную жизнь языка или языковую игру. Важно то, что и Л. Витгенштейн, и Э. Гуссерль подчеркивают необходимость осуществления определенной деятельности (языковой игры или актов сознания, соответственно) для возникновения, точнее, для проявления значения, смысла. Оба автора указывают на то, что смыслы не существуют в “готовом” виде (так, что ими можно было бы просто пользоваться), они создаются в ходе деятельности. Причем оба вида активности непосредственно связаны с субъектом. Только субъект может осуществлять акты интенции значения, точно так же как “разыгрывать” ту или иную языковую игру может тоже только субъект. Правда, субъект для Э. Гуссерля и Л. Витгенштейна – это нечто различное. Э. Гуссерль имеет в виду трансцендентального субъекта, тогда как Л. Витгенштейн подразумевает социального субъекта, поскольку языковые игры – это, конечно, социальный феномен.

Другим вариантом решения проблемы объективности существования значений, смыслов (в форме научных теорий, научного знания), также тесно связанным с языковой стороной последних, является концепция “третьего мира” К. Поппера, британского философа, логика и социолога. С точки зрения концепции “третьего мира”, наиболее полно изложенной К. Поппером в его докладе, сделанном в 1968 г. на Международном философском конгрессе в Вене, можно говорить о существовании трех миров. Это, во-первых, мир физических объектов или физических состояний; во-вторых, мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний и, возможно, предрасположений, диспозиций (dispositions) к действию; в-третьих, мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства. Сам К. Поппер усматривал близость своей позиции фрегевской, хотя на самом деле концепция К. Поппера гораздо ближе к теории знаков Ч. Пирса. Ч. Пирс же понимал знак как триадическое отношение: знак – значение/логический интерпретант – предмет. Значение соединяет знак с предметом, в результате чего знак становится собственно знаком, а не остается пустым звуком (знак предметно обусловлен). Значение Ч. Пирс называет логическим интерпретантом, тем самым, подчеркивая характер возникновения и существования значения. Значение появляется в результате интерпретации знака и существует как интерпретация (интерпретант) этого знака в виде другого знака. Значение для своего существования требует наличия системы знаков, поскольку значение знака всегда определяется через другой знак. Ни одно значение, следовательно, мы не схватываем само по себе, но всегда только через другие знаки. Называя значение “логическим интерпретантом”, Ч. Пирс подчеркивает его объективный, не зависящий от психики отдельных индивидуумов характер. С точки зрения ученого, знак и значение – это постоянное, прочное единство, существующее независимо от внешних для знака явлений. Значение связано с самим знаком и никоим

образом не определяется, например, теми, кто эти знаки употребляет. Мысль, в которой осуществляется интерпретация, – область идеального, но не субъективного. Этим Ч. Пирс, однако, не ограничился. Он также развил концепцию предметной направленности и значений, мыслительных содержаний. Для этого, правда, ему потребовалось привлечь прагматическое начало. Последнее определяет условия, которые должны быть выполнены, чтобы мысль имела значение. Таким условием предметно значимого значения является возможность представить это значение как совокупность практических правил. Каждая мысль должна приводить к сформулированному на ее основании указанию к действию.

Выводы. Проблема смысла, именованная, значения языковых выражений, слова, возникнув на рубеже XIX–XX вв. в связи с необходимостью преодоления обнаружившихся кризисных явлений в основаниях математики и других естественных наук, остается с тех пор одной из наиболее широко обсуждаемых и важных проблем логики и философии языка.

Чтобы определенный звуковой комплекс (или письменно зафиксированное слово), считает Э. Гуссерль, превратился из простого набора звуков (из просто наглядного представления, данного нам посредством внешнего восприятия) в осмысленное выражение, должен существовать акт придания значения, или интенции значения, который осуществляет говорящий, или даже только мыслящий, субъект. Без этого акта интенции значения набор звуков так и остался бы пустым, ничего не выражающим, ничего не значащим набором звуков.

Знаки языка в философии Л. Витгенштейна обретают жизнь (получают свое значение) посредством применения, то есть лишь в употреблении, что предполагает реальную жизнь языка или языковую игру. Таким образом, реализация языковой игры, или диады “язык – деятельность”, является тем необходимым условием, которое порождает значение, смысл слов и высказываний.

Слово (высказывание, предложение) получает свое значение только в определенном деятельностном контексте, в той или иной языковой игре, которая есть неразрывным единством деятельности и языка.

Значимость генетического метода для определения онтологического статуса смысла, именованного, слова подтверждается и демонстрируется также концепцией К. Поппера. Смысл получает свое существование посредством воплощения его в языке. Таким образом, только язык, благодаря своим возможностям, обеспечивает данность смысла для нашего мышления и дальнейшую работу мысли и познания с разнообразными смысловыми образованиями.

Список использованной литературы

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Людвиг Йозеф Иоганн Витгенштейн ; общ. ред. и предисл. Асмуса В.Ф. – М. : Наука, 1958 (2009). – 133 с.
2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука / Эдмунд Гуссерль // Философия как строгая наука. – Новочеркасск : Сагуна, 1994. – С. 151–152.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Эдмунд Гуссерль. – М. : ДИК, 1999. – Т. 1. – С. 50, 130, 140, 140–141.

4. Муравенко Н.Ю. Смысл и выражение как проблема философии, логики и методологии науки : дис. на соискание научной степени канд.философ. наук : 09.00.02 / Н.Ю. Муравенко. – Одесса, 2008. – 192 с.

5. Лосева Л.М. Как строится текст / Л.М. Лосева. – М. : Просвещение, 1980. – 179 с.

6. Муравенко Н.Ю. Концепции значения Э. Гуссерля и Л. Витгенштейна (к проблеме смыслообразования в аналитической философии и феноменологии) / Н.Ю. Муравенко // Грані : науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах. – Дніпропетровськ, 2004. – № 4 (36). – С. 73–78.

Курінна А.Ф. Проблема слова, значення, іменування у філософії мови

Статтю присвячено висвітленню питання щодо дослідження феномену слова (сенсу, іменування, значення мовних виразів) у вітчизняній і зарубіжній філософії мови.

Ключові слова: феномен слова, філософія імені, філософія мови.

Kurinna A. Problem of the word, meaning, naming in the philosophy of language

The article is sanctified to illumination of question in relation to research of the phenomenon of word (sense, name, value of language expressions) in home and foreign philosophy of word.

Key words: the phenomenon of word, philosophy of the name, philosophy of language.